

К. Заруцкий

**Современные явления в
протестантском мире**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
К11

К11 **К. Заруцкий**
Современные явления в протестантском мире / К. Заруцкий – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 58 с.

ISBN 978-5-458-07534-3

(Памяти А.С. Хомякова). Заметки Кира Заруцкого.

ISBN 978-5-458-07534-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОВРЕМЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ ПРОТЕСТАНТСКОМЪ МІРѢ.

(Памяти А. С. Хомякова).

I.

Каеоличество—и въ ученіи, и въ жизни—есть выраженіе непосредственно-совмѣстнаго участія въ дѣлѣ нашего спасенія элементовъ божескаго и человѣческаго, а также и выраженіе равновѣсія въ этомъ дѣлѣ началъ личной свободы и общественнаго авторитета. Въ этомъ смыслѣ оно является лучшей характеристикой основнаго факта въ дѣлѣ нашего спасенія, факта, состоящаго въ нераздѣльномъ и несліянномъ—безъ поглощенія и преобладанія—общенія божества и человѣчества въ лицѣ Богочеловѣка, „никакоже претерпѣвшаго измѣненія, или смѣшенія, или раздѣленія, но въ обою существу свойство цѣло сохраняющаго“ (Догматъ о Христѣ Иисусѣ въ догматикѣ 3-го гласа). Въ то же время оно есть характеристика совершенія этого дѣла спасенія въ каждомъ изъ насъ дѣйствіемъ на насъ благодати Божіей, сообщающей намъ о фактѣ высшаго проявленія любви божественной—о воплощеніи Сына Божія, и свободнымъ усвоеніемъ этой благой вѣсти не сердцемъ

и разсудкомъ, а вѣрою, лежащую въ основѣ всякой разумно-нравственной дѣятельности (Ученіе о спасеніи дѣятельною вѣрою при дѣйствіи благодати Божіей и свободной воли человѣка). Въ этомъ смыслѣ каѳоличество есть также лучшее опредѣленіе общественности, какъ сферы свободнаго проявленія любви, причемъ свобода и любовь, опредѣляя другъ друга, образуютъ для человѣка его внутренній авторитетъ, который и даетъ возможность повѣть общую волю, какъ самоопредѣляющуюся гармонію между волями частными, а власть — какъ ея представителя. Въѣстъ съ этимъ оно опредѣляетъ указанную общественность, какъ сферу непрерывнаго дѣйствія благодати Божіей на человѣчество изъ рода въ родъ и непрерывнаго же ея усвоенія и проявленія симъ послѣднимъ. Въ такомъ смыслѣ каѳоличество есть терминъ, обнимающій собою всѣ существенныя черты основанія, организаціи и жизни общества, являющагося среди непрерывнаго человѣчества непрерывнымъ же жизненнымъ проявленіемъ идеала его существованія. Общество же, совмѣщающее въ себѣ всѣ эти черты, и есть *истинная церковь*.

Долго было бы рассказывать здѣсь всю исторію человѣчества со времени паденія первыхъ людей въ доказательство того, что съ этого момента идеаль его есть спасеніе въ смыслѣ возстановленія непосредственнаго общенія Бога съ человѣкомъ и въ смыслѣ установленія равновѣсія между свободою и авторитетомъ, и что съ этого же самаго момента церковь является для него непрерывнымъ, какъ оно само и дѣйствующія на него благодать Божія, выразителемъ этого идеала. Скажемъ только, что нѣтъ другой, болѣе возвышенной точки, съ которой бы сразу можно было объять весь ходъ всемірной исторіи; какъ мысль о спасеніи человѣчества въ этомъ смыслѣ. Съ этой точки зрѣнія исторія всего внѣшняго міра — язычество до Рождества Христова — сводится къ исканію спасенія то въ обоготвореніи твари и человѣка, то въ сведеніи

на землю мнимыхъ боговъ. Не будучи выраженіемъ непосредственнаго общенія Бога съ человѣкомъ, эти вѣрованія не давали человѣку искомаго имъ успокоенія, а въ жизни сказывались несомѣстностью частной воли съ волею обоготворенныхъ деспотовъ или съ волею судьбы, иначе непримиримостью свободы съ авторитетомъ. По явленіи Христа на землѣ внѣшній міръ, измѣнивъ лишь свое имя, продолжалъ жить то въ одномъ, то въ другомъ изъ указанныхъ направлений. Такъ, въ первые вѣка христіанства, одни изъ мнимо увѣровавшихъ во Христа утверждали, что онъ былъ человѣкъ, обоготворенный духомъ Божиимъ, а другіе говорили, что онъ былъ Богъ въ призрачномъ человѣкѣ. Церковь отвѣтила на это лишь тѣмъ, что каѳолически исповѣдала въ Спасителѣ міра Бога истиннаго и человѣка истиннаго, нераздѣльно и неслиянно соединенныхъ непосредственно въ одномъ лицѣ Богочеловѣка. „Тѣмъ же совершенна Того Бога и совершенна человѣка во истину проповѣдующе, исповѣдуемъ Христа Бога нашего“ (Догматикъ 8-го гласа). Это непосредственное общеніе божества и человѣчества церковь признаетъ и во всѣхъ историческихъ фактахъ дѣла нашего спасенія, въ усвоеніи его каждымъ изъ насъ и во всѣхъ проявленіяхъ частной и церковной жизни возрожденныхъ во Христѣ. И въ послѣдствіи всѣ ереси (напр., ересь монофизитовъ и ересь моноелитовъ) въ сущности грѣшили лишь въ указанныхъ нами двухъ направленіяхъ, а каѳоличество понималось всегда именно какъ устраненіе этихъ крайнихъ ученій. Трудно видѣть другой смыслъ этого слова *) въ обращеніи

*) Ни французское «Universelle», ни нѣмецкое «Allgemeine», которыми переводятъ слово: «Καθολικὴν» никейскаго символа, не соотвѣтствуютъ ему даже этимологически. Слово «all» весь, все—можетъ отвѣчать лишь греческому: «πᾶς», «πᾶν», а не «ὅλος», «ὅλως», которое скорѣе ¹⁰¹равняется: «ganz»=цѣлый, цѣлостный.

Аѳанасія великаго къ аріанамъ, гдѣ выражается та мысль, что аріане хотя и владѣютъ (въ то время) вселенной, но не каѳолики, а вѣромнящихъ подобно Аѳанасію хотя и не много, но они-то и суть каѳолики. Въ тѣхъ же вышеозначенныхъ двухъ направленіяхъ уклоняются отъ каѳоличества и римскій католицизмъ, и евангелическій протестантизмъ.

Исповѣдуя догматъ о непосредственномъ общеніи Бога и человѣка въ первоначалѣ нашего спасенія — въ лицѣ Богочеловѣка, римская церковь отвергаетъ его въ совершеніи спасенія — въ практическомъ примѣненіи, т. е. въ усвоеніи его вѣрующимъ и въ организации изъ вѣрующихъ церкви. Вотъ какъ она дошла до этого. Благопріятствуемая обстоятельствами, она, во время и послѣ переселенія народовъ, находила обильную пищу для апостольства среди дивихъ завоевателей Европы. Обращая ко Христу цѣлыя страны и видя ихъ невѣжество, она можетъ быть и искренно, но ложно поняла свою задачу — не въ просвѣщеніи искать средство къ уничтоженію невѣжества, а, опираясь на невѣжество, утвердить просвѣщеніе. Варвары должны были безъ разсужденія слушать просвѣщенныхъ, коихъ Римъ посылалъ къ нимъ въ лицѣ своихъ священниковъ и епископовъ. Такимъ образомъ, между совѣстью обращающихся и Христомъ сталъ посредникомъ священникъ, между церковью мѣстною и непрерывною въ единой церкви благодатію Св. Духа явился посредникомъ епископъ, а между всею церковью, представляемою епископами мѣстныхъ церквей, и великимъ архіереємъ ея Іисусомъ Христомъ повадился посредникъ въ лицѣ римскаго первосвященника. Долгое время вселенская церковь не замѣчала этого положенія — тѣмъ болѣе, что епископы римскіе, въ своихъ сношеніяхъ съ востокомъ, употребляли и его терминологию, не заботясь о ея смыслѣ. Между тѣмъ, свободное усвоеніе вѣрою непосредственнаго общенія съ Богомъ и свободное проявленіе спасенія возрожден-

ною жизнью въ средѣ церкви стало на западѣ невозможнымъ. Исчезло здѣсь то величавое разнообразіе націй и языковъ въ связи съ единствомъ божескихъ началъ. Народъ — тѣло Христово — лишентъ права свободно участвовать въ проявленіяхъ церковной жизни. Изъ него сдѣлали стадо безсловесныхъ овецъ, кои, не разсуждая, должны слѣдовать за своимъ пастыремъ. Все должно складываться по волѣ высшаго посредника между Богомъ и церковью — папы. Когда это слово, — въ томъ смыслѣ, какой даютъ ему на западѣ, — наконецъ произнесено было во услышаніе всей вселенской церкви, то послѣдняя съ горестію увидѣла, какъ царство тьмы и лжи поглотило цѣлую мѣстную церковь, и должна была съ прискорбіемъ занести въ свои лѣтописи ея самоисключеніе. Ставъ съ этого времени папствомъ и отрицая свободное усвоеніе вѣры каждымъ и свободную организацію церквей внѣ посредства папы, римская церковь не допускаетъ свободнаго выраженія вѣры, не поцезурованнаго въ Римѣ, и ея соборы сходятся не для исповѣданія общей вѣры, а для выслушанія великаго посредника, чтобъ привѣять его рѣшенія и разнести ихъ для точнаго исполненія всѣми. Замѣнивъ внутреннее непосредственное общеніе человека съ Богомъ внѣшними отношеніями посредствомъ папы, римская церковь всю церковную жизнь поставляетъ во внѣшности и употребляетъ лишь внѣшнія средства для обращенія и спасенія: церемонія и инквизицію, терзаніе тѣла и внѣшнее усвоеніе чужихъ добрыхъ дѣлъ покупкою. Сдвинувшись съ божественнаго основанія, она безсознательно чувствуетъ ложность своего положенія и желаетъ возстановить себя обоготвореніемъ своего посредника, чтобы тѣмъ ввести человека въ болѣе близкое общеніе съ Богомъ. Такъ нужно объяснять себѣ происхожденіе догмата о непогрѣшимости папы. Нѣтъ, для спасенія человѣчества, какъ мы знаемъ, нужно не болѣе или менѣе близкое, а непосредственное об-

щеніе человѣка съ Богомъ. Мы видѣли, къ чему привели язычниковъ попытки обоготвореніемъ человѣка приблизиться къ Богу. Кто не будетъ пораженъ сходствомъ тѣхъ обоготворенныхъ деспотовъ востока, для подданныхъ коихъ ихъ произволъ былъ священнымъ закономъ, съ этимъ непогрѣшимымъ викаріемъ Христовымъ, коего слова принимаются за оракулы и высшій нравственный законъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ватиканскій соборъ отмѣнилъ необходимость частной совѣсти въ дѣлахъ вѣры и нравственности, поставивъ вмѣсто нея обязательную для всѣхъ совѣсть непогрѣшимаго папы. Нѣтъ, папство не есть извѣстная форма христіанства. Оно есть произведеніе язычества, какъ и самый титулъ его святѣйшества: *Pontifex maximus*.

Обоготворенію человѣка, какъ средству приблизиться къ Богу у древнихъ семитическихъ народовъ, болѣе новые въ исторіи арійскіе народы противопоставили другое средство — сведеніе боговъ съ неба. При встрѣчѣ этихъ двухъ направленій между ними была борьба, которую мудрецы вѣка того называли борьбою между свѣтомъ и тьмою, причемъ каждая изъ борющихся сторонъ считала себя въ свѣтѣ, а противную—въ мракѣ. Съ точки же зрѣнія каеоличества, какъ мы опредѣлили его выше, становится совершенно яснымъ, что въ области тьмы могли бороться лишь мрачныя силы. Ничто подобное произошло и на западѣ. Противъ папства, величающаго себя христіанствомъ, возсталъ протестантизмъ, претендующій на тоже имя, а на сколько основательно, мы увидимъ ниже. Протестантизмъ, какъ и папство, признаетъ суть спасенія въ фактѣ непосредственнаго общенія божества и человѣчества въ лицѣ Иисуса Христа, но отвергаетъ это общеніе двухъ началъ въ актѣ усвоенія каждымъ этого спасенія и въ проявленіи его частною и общественною жизнію возрожденныхъ вѣрою въ любовь Божию, въ воплощеніе. Вотъ гдѣ корень отрицанія протестантизмомъ

всякой видимой организаціи церкви, священства и таинствъ. Вотъ почему онъ такъ парадоксально на первый взглядъ, но не безпринципно противопологаетъ дѣла благочестія дѣлу нашего спасенія. Въ прошедшемъ году, въ генеральномъ синодѣ французскихъ протестантовъ, громадное меньшинство делегатовъ-пасторовъ, находя излишнимъ всякое внѣшнее проявленіе единства спасаемыхъ, говорило и о стѣснительности единства внутренняго, единства вѣры, ставя въ сторонѣ даже самый фактъ воплощенія и стараясь поставить суть христіанства въ какой-то жидкой чувствительности сердца—*la vie du sentiment*. Что германскій пасторскій протестантизмъ давно есть не что иное, какъ замаскированный именемъ христіанства раціонализмъ, объ этомъ врядъ-ли и пужно говорить. При отсутствіи непосредственнаго общенія человѣка съ Богомъ, самое сведеніе боговъ съ неба мало принесло, какъ мы видѣли, пользы для успокоенія человѣчества. Произволъ мнимыхъ боговъ, ведшихъ людей безъ участія ихъ воли къ своимъ цѣлямъ, смѣнилъ капризы обоготворенныхъ деспотовъ. Кто не найдетъ разительнаго сходства между вѣрованіемъ философствующихъ грековъ и др. язычниковъ, низводившихъ божества къ людямъ, въ судьбу—это страшное и неумолимое божество—и безотраднымъ ученіемъ раціоналистовъ-протестантовъ, низводящихъ Христа въ разрядъ обыкновенныхъ людей, о благодатномъ предопредѣленіи.

Два противоположныя направленія въ язычествѣ, познакомившись другъ съ другомъ, кончили атеизмомъ. Дальше идти было некуда: человѣчество пошло въ церковь Христову. Папство и протестантизмъ, изучая и критикуя другъ друга, распложаютъ только атеистовъ. Дальше идти некуда: не пора-ли войти во едину, святую, вѣолическую и апостольскую церковь?

Вотъ вопросъ, который самую жизнь-исторію составляетъ нынѣ на очереди для запада. Мы сказали:

самою жизнію-исторією,—об'яснимся на этотъ счетъ. Вліяніе истинно-каатолической церкви не могло сказываться на западѣ, вслѣдствіе ея внѣшняго положенія на востокѣ. Народы запада съ пренебреженіемъ смотрѣли на христіанскія вѣрованія выродившагося востока и полудикой славянщины. Имъ и въ голову не приходило то просто-таки научное соображеніе, что самое вырожденіе, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, должно было бы во всякомъ другомъ, кромѣ востока, мѣстѣ уйдти дальше, и что медленное, но твердое безъ потрясеній и отступленій шествіе по пути цивилизаціи было бы, при одинаковыхъ историческихъ условіяхъ, невозможно для другихъ народовъ, кромѣ славянъ. Что же могло бы *aliis paribus* оказать эту разницу, если не жизненная состоятельность и устойчивость христіанскихъ воззрѣній востока и славянщины? Игнорируя это, западъ обнаруживалъ и недостатокъ историческаго пониманія, и недостатокъ каатолическаго чувства, не допускающаго разности между варваромъ и эллиномъ. Но разъ онъ усвоилъ себѣ подобное отношеніе, для него могли имѣть значеніе лишь голосъ его собственнаго опыта, лишь результатъ его собственной жизни-исторіи. Съ этой же стороны западу весьма естественно было долгое время принимать внѣшніе успѣхи въ наукѣ, промышленности и торговлѣ и т. д. за признакъ внутренней устойчивости—и это до тѣхъ поръ, пока сама жизнь-исторія не разрушитъ этого обольщенія, показавъ, что существенный ся характеръ—именно нравственный—не стоитъ необходимо въ соотношеніи съ тѣмъ или другимъ состояніемъ науки, промышленности, торговли и т. п., а обусловливается тѣмъ или инымъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, и что не наука, промышленность, торговля и т. д., виноваты въ религіозно-нравственномъ состояніи запада, а напротивъ его религіозно-нравственность отвѣтственна за ихъ безуспѣшность. Можно, конечно, до извѣстной поры искренно обманывать себя

на счетъ истинности и спасительности своихъ религиозно-нравственныхъ воззрѣній; но нельзя „шила утаить въ мѣшке“, — нельзя, чтобы жизнь-исторія многообразными своими комбинациями рано или поздно не выдала дѣйствительнаго значенія легшихъ въ ея основу воззрѣній. Прослѣдить съ этой точки зрѣнія исторію запада сначала римско-католическаго, а затѣмъ римско-католическаго и протестантскаго; и значило бы подойти къ нынѣшнему его состоянію. Мы видѣли, какъ мѣстная римская церковь сдвинулась съ божественно-человѣческихъ основъ каѳоличества, чтобы стать лишь учрежденіемъ чисто-человѣческимъ, папствомъ. Удержавъ за собою и послѣ того названіе католической (по латинскому произношенію этого греческаго слова: *καθολική*), она, пользуясь несчастнымъ положеніемъ востока, возымѣла мысль, подъ видомъ помощи, подчинить его себѣ. При такихъ условіяхъ помощь являлась лишь новымъ элементомъ въ несчастіяхъ востока, и безъ того уже падавшего подъ ударами мусульманства. Но блескъ крестоноснаго воинства до того ослѣпилъ невѣжественный тогда западъ, что имя церкви, коимъ прикрывались эти предпріятія, сдѣлалось синонимомъ дѣйствительнаго христіанства. Съ тѣхъ поръ папство въ глазахъ запада отождествилось съ каѳоличествомъ. Не будемъ оспаривать искренность подобнаго взгляда для средневѣковаго міра. Но жизнь-исторія, какъ мы замѣтили, не падаетъ даже и искреннихъ самообольщеній. Такъ, разрушивъ своею организаціею равновѣсіе въ дѣлѣ нашего спасенія началъ божескихъ и человѣческихъ, уничтоживъ поэтому гармонію между благодатно-свободною волею каждаго изъ спасаемыхъ и благодатно-коллективнымъ авторитетомъ общества этихъ спасаемыхъ—церкви, однимъ словомъ, разбивъ все то, что составляетъ сущность каѳоличества,—папство уже съ первой минуты своего существованія оказывается лишеннымъ внутренней устойчивости и носитъ въ себѣ

зародышъ нравственныхъ броженій, взрывовъ и потрясеній. Уже тогда выведенныя изъ равновѣсія чашки вѣсовъ пришли въ движеніе; но, не предвидя послѣдующихъ качаній, это движеніе легко могли принять за признакъ нормальной жизни. Между тѣмъ вѣкъ отъ вѣка умножаются случаи столкновеній Рима то съ отдѣльными независимыми церквами, то съ отдѣльными личностями. Когда же набралось достаточно и протестовъ и протестантовъ, явился Лютеръ, обобщилъ протесты и объединилъ протестантовъ. Обусловленный жизненнымъ сознаніемъ несостоятельности папства и стремленіемъ возстановить нарушенное имъ религіозно-нравственное равновѣсіе, протестантизмъ, однакожъ, съ гордостью педанта смотрѣвшій на разучившійся востокъ и на невѣжественную славянщину, не зналъ, да и не хотѣлъ ничего знать, о настоящемъ католичествѣ, считалъ таковымъ выдававшее себя за него папство и, отрицая послѣднее, отвергъ и первое, а съ нимъ—и сущность церкви. Не будь этого невѣжества со стороны Лютера и его послѣдователей, — такъ говорятъ нынѣ сами протестанты (*Codex liturgicus*, Daniel),—то реформа приняла бы направленіе, болѣе соотвѣтствующее духу древней церкви. По нашему это будетъ, что въ такомъ случаѣ реформа возвратила бы въ лоно дѣйствительно-католической церкви, по крайней мѣрѣ, тѣ—если не болѣе,—что она отторгла отъ папства. Въ томъ же видѣ, какъ онъ организовался, протестантизмъ ничуть не возстановилъ разрушенной папствомъ гармоніи, цѣлостности (католичности) христіанскаго міровоззрѣнія. Выведенныя папствомъ изъ равновѣсія тяжести—начало божеское и начало человеческое, личную свободу и авторитетъ церкви—протестантизмъ только привелъ въ обратное отношеніе. Для него существуетъ только отдѣльная личность, независимо отъ ея воли спасаемая или не спасаемая благодатію, но за то абсолютно свободная отъ всякихъ ограниченій общей коллективной цер-